

Ф. Н. Двинятин<https://orcid.org/0000-0001-7111-0133>✉ f.dvinyatin@spbu.ru*Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)*

ПРОЯВЛЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ТРИФУНКЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ В «СКАЗКЕ О ЦАРЕ САЛТАНЕ» ПУШКИНА

Аннотация. «Сказка о царе Салтане» А. С. Пушкина тщательно соблюдает законы традиционного сказочного сюжета и бережно комбинирует мотивы. В целом сюжет соответствует АТУ 707 с сочетанием мотивов из разных вариантов и подключением некоторых подробностей из других устных сюжетов и раннелитературных источников. Привлекают внимание обильные триадические структуры. В статье предлагается рассмотреть их в русле трифункционального подхода Ж. Дюмезиля. Три чуда — белка, грызущая золотые орешки с изумрудными ядрышками, охраняющие остров 33 морских богатыря и прекрасная Царевна Лебедь — могут быть осмыслены как воплощение материальной, воинской и верховной функций. По аналогии это же может относиться и к трем сестрам — Поварихе, Ткачихе и Царице. В то же время осуществляется контаминация с сюжетом «Суд Париса», в котором выбор героя приходится на Афродиту, носительницу третьей функции. Кроме того, автор бегло рассматривает насекомых, птиц, растения и детенышей как ослабленных носителей отсылок к трем индоевропейским функциям.

Ключевые слова: Пушкин, «Сказка о царе Салтане», Дюмезиль, трифункциональная идеология, сравнительная мифология, индоевропейская традиция, троичность

Примечание. Это сообщение обязано своим возникновением электронной переписке автора с математиком, писателем и режиссером Р. В. Михайловым (которому автор выражает самую искреннюю благодарность за этот диалог и возможность в его ходе осмыслить некоторые частные идеи). Здесь не использовано ни одно исследовательское и художественное соображение Р. В. Михайлова. По большей части эти соображения (связанные с работой над осмыслением «Сказки о царе Салтане») и неизвестны автору статьи, а полная концепция на момент ее написания, видимо, еще и не сложилась. Из гипотез, которые высказывались в письменном диалоге с Р. В. Михайловым, тоже привлечена лишь малая часть: те, которые примыкают к трифункциональному истолкованию триад сказки. В любом случае размышления Р. В. Михайлова глубже по проникновению и шире по охвату проблематики, чем то, что обозначено здесь.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке СПбГУ, проект «Изменяя традицию: квантитативная диахрония в общей и лингвистической поэтике», шифр 129600833.

Для цитирования: Двинятин Ф. Н. Проявления индоевропейской трифункциональной модели в «Сказке о царе Салтане» Пушкина // Шаги/Steps. Т. 12. № 2. 2026. С. 308–324. EDN: SOQCZM.

Поступило 16 мая 2026 г.; принято 5 апреля 2026 г.

Shagi/Steps. Vol. 12. No. 2. 2026
Articles

F. N. Dviniatin

<https://orcid.org/0000-0001-7111-0133>

✉ f.dvinyatin@spbu.ru

*Saint Petersburg State University
(Russia, Saint Petersburg)*

MANIFESTATIONS OF TRIFUNCTIONAL IDEOLOGY IN A. S. PUSHKIN'S "THE TALE OF TSAR SALTAN"

Abstract. “The Tale of Tsar Saltan” by A. S. Pushkin seems to follow the laws of the traditional fairy tale plot so carefully and to combine motifs so carefully that it can be — with some caution — considered an analogue of a real oral fairy tale. Overall, the plot of the tale corresponds to ATU 707, combining motifs from different variants and including some details from other oral stories and early literary sources. In this tale, the abundant triadic structures attract attention. The article suggests considering them within the framework of the tripartite (trifunctional) approach of G. Dumézil. Three marvels — a squirrel gnawing on golden nuts with emerald kernels, 33 sea knights guarding the island, and a beautiful Swan-Princess — can be understood as the embodiments of the economic, military and sovereign functions. By analogy, the same can be said about the three sisters — the Cook, the Weaver and the Tsarina (Queen). At the same time, there is a contamination with the plot of “The Judgement of Paris”, in which the hero’s choice falls on Aphrodite, the bearer of the third function. In addition, the article briefly discusses insects, birds, plants and the young as weakened carriers of references to the three Indo-European functions.

Keywords: Pushkin, “The Tale of Tsar Saltan”, Dumézil, trifunctional ideology, comparative mythology, Indo-European tradition, triad

Note. This article owes its origin to the author’s electronic correspondence with the mathematician, writer, and theater and film director R. V. Mikhailov (to whom the author expresses his most sincere gratitude for this dialogue and the opportunity it provided to reflect on some specific ideas). None of R. V. Mikhailov’s research or artistic ideas are used here. For the most part, these ideas (related to work on understanding “The Tale of Tsar Saltan”) are unknown to the author of this article, and the full concept apparently had not yet been fully developed, at the time of writing. Of the author’s hypotheses discussed in a written dialogue with R. V. Mikhailov, only a small part has been used: those that align with the trifunctional interpretation of the fairy tale’s triads. In any case, R. V. Mikhailov’s reflections are deeper in insight and broader in their scope than those outlined here.

Acknowledgements. The author acknowledges the support of Saint Petersburg State University for research project no.129600833.

To cite this article: Dviniatin, F. N. (2026). Manifestations of trifunctional ideology in A. S. Pushkin's "The Tale of Tsar Saltan". *Shagi / Steps*, 12(2), 308–324. EDN: SOQCZM. (In Russian).

Received May 16, 2025; accepted April 5, 2026

«Сказка о царе Салтане» и ее источники

«Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди»¹ была написана А. С. Пушкиным в 1831 г., в основном поздним летом. Сохранились некоторые пушкинские записи, видимо, связанные с ранними этапами работы над будущим текстом, во всяком случае — изложения схожих сюжетов (см. ниже). Сколько-нибудь полного письменного или устного претекста сказки не выявлено; существует подозрение, что некоторые сильные совпадения с относительно поздними записями народных сказок могут свидетельствовать о вторичном влиянии литературного текста Пушкина на народную традицию. В любом случае обнаружено немало литературных сказок, устных сюжетов и вариантов, которые могли быть известны Пушкину и учитываться им [Азадовский 1936: 150–156]. Основу изложения составляет сюжет ATU 707 *The Three Golden Children* [Uther 2011: 381–383] (ср. СУС 707 «Чудесные дети») [Хэмлет 2013а; 2013b; 2014; Плетнева 2016; 2019; Березкин 2019]. «Этот тип обычно сочетается с эпизодами из одного или нескольких других типов, особ. 451, 706, 709, а также 303, 313, 400, 425, 510А, 550, 551 и 981» [Uther 2011: 382]; ср. ATU 451, *The Maiden Who Seeks Her Brothers*; ATU 706, *The Maiden without Hands* («Безручка»); ATU 709 *Snow White* («Белоснежка»); другие перечисленные сюжеты и эпизоды — *The Twins Or Blood-Brothers*, *The Magic Flight*, *The Man on a Quest for His Lost Wife*, *The Search for the Lost Husband*, *Cinderella*, *Bird, Horse and Princess*, *Water of Life* и *Wisdom of Hidden Old Man Saves Kingdom*.

Из литературных источников текста часто и убедительно называют третью сказку четвертой ночи из «Приятных ночей» Страпаролы [Uther 2011: 382], имеющую почти наверняка восточное происхождение (см. ниже). По-видимому, иранско-центральноазиатский регион — зона широкого распространения сюжетов подобного типа; так (это только один из примеров), разбирая эпизод из каракалпакского дастана «Шаръяр», К. Райхл пишет, что сюжет этого эпоса «тесно связан с народной сказкой об оклеветанной жене, а его первая часть особенно близка “Сказке о царе Салтане” Пушкина» [Райхл 2008: 230].

¹ См. новейшую статью [Муравьева, Федотова 2024], прежде всего разделы, посвященные истории текста, источникам и параллелям, а также библиографию.

В задачи этой статьи не входит подробный анализ соотношения пушкинской сказки и ее доказанных или возможных источников, устных, лубочных или книжных. В основе предлагаемого прочтения лежит сопоставление триадических структур «Сказки о царе Салтане» с подходом к анализу троичных структур в индоевропейских текстах, развитому Ж. Дюмезилем. Если сопоставление «итогового» текста сказки с индоевропейской трифункциональностью неубедительно, генезис литературной сказки теряет значение для обсуждаемого вопроса. Если сопоставление имеет под собой некоторые основания, то каналы передачи информации от индоевропейской древности к индивидуальному пушкинскому творчеству оказываются чрезвычайно важной проблемой, достойной обсуждения, но в таком случае они не имеют статуса доказательства или опровержения и должны рассматриваться на следующем этапе изыскания; эта статья посвящена изложению базового предположения².

Концепция Ж. Дюмезиля

Ядро концепции Ж. Дюмезиля, как он сам не раз указывал, сложилось в 1938 г.; к 1948 г. (в этом году вышли в свет переиздание «Митры-Варуны», 1-е изд. 1940; четвертый том «Юпитера Марса Квирина» — три первых тома были опубликованы соответственно в 1941, 1944 и 1945 гг., и «Локи») был, по сути, завершен первоначальный цикл исследований, уже содержащий большинство идей и сопоставлений, формирующих концепцию. Впоследствии она крепла, развивалась, обрастала многочисленными подробностями и полемическими этюдами. Дюмезиль публиковал и переиздавал итоговые тома, посвященные отдельным функциям и отдельным индоевропейским традициям (римской, германской, индийской и иранской). На этом фоне выделяются некоторым переносом тематики и обилием новых наблюдений и сопоставлений три тома «Мифа и эпопеи» (1968, 1971, 1973).

Основу подхода, безусловно, образует предположение о значительной, фактически определяющей роли, которая в религиозных, мифологических и социальных представлениях индоевропейцев принадлежит три-

² При этом рабочая гипотеза — она может оказаться совсем неосновательной или быть в дальнейшем серьезно скорректирована — состоит в следующем. Пушкин отчасти (по крайней мере в том, что касается сюжета, мотивики, образности) выступает в роли, подобной роли народного сказочника: он перенимает сказку, преобразует ее под свою манеру рассказа. В то же время он — наблюдатель устной традиции со стороны — заражает эту сказку подробностями и мотивами, известными ему из других сказок. При этом — и это, конечно, менее доказуемо — он оказывается своего рода медиумом, благодаря поэтическому таланту и интуиции, эрудированности в области письменных и устных текстов осуществляющим восполнение сюжета и образности элементами, почерпнутыми в других аутентичных текстах, порождение новых элементов по известным ему моделям, итоговый монтаж и синтез. Литературная сказка Пушкина разнородна, но ее элементы, взятые по отдельности, известны самой народной традиции и/или литературным текстам, на ней основанным, и их сочетание в принципе может восполнять лакуны отдельных текстов и даже всего того фрагмента традиции, к которому может быть отнесена данная сказка.

функциональной идеологии. Боги и герои, обряды, институты распределяются по трем функциям: первая — «верховная», включающая царскую власть, мир и порядок, жреческое служение; вторая — воинская; третья — материальное благополучие, размножение, хозяйство. Троищность функций наглядно воплощена в римской архаической (докапитолийской) триаде богов Юпитер — Марс — Квирин, в германской упсальской триаде Один — Тор — Фрейр, в индийской, отмеченной и у западных ариев, схеме Митра и Варуна — Индра — Ашвины.

При этом значительную часть наблюдений и догадок Дюмезиля составляют разного рода частные сопоставления и реконструкции, иногда в пределах одной индоевропейской ветви, а чаще основанные на параллелях между разными ветвями. В качестве примеров можно напомнить следующие случаи:

1) сопоставление, с выявлением переключек в характерных специфических подробностях, «внутренних» столкновений и войн, описываемых в разных традициях: двух групп богов, асов и ванов, у германцев; двух групп прародителей, римлян и сабинян, в ранней римской историографии; одного рода с другим(и) в осетинском эпосе о нартах [Dumézil 1947: 249–291];

2) сопоставление одноглазого Горация Коклеса и однорукого Муция Сцевола («Циклопа» и «Левши») с одноглазым Одним и одноруким Тюрпом [Dumézil 1940: 111–124; 1948a: 163–179]; ср. [Zielina 2013];

3) сопоставление характерных специфических подробностей в «досье» (одно из любимых слов Дюмезиля) германского Локи и осетинского Сырдона (не позже, чем в [Dumézil 1939: 126]);

4) сопоставление двух типов «верховного» (soverain) начала и воплощающих его фигур: в индийской традиции Митра и Варуна, в римской — Нума Помпилий и Ромул [Dumézil 1940: 27–34; 1948b: 55–65];

5) анализ генеалогии Пандавов, ее связи с богами трех функций, ее сюжетных и мотивных следствий и связей: старший — сын бога первой функции Дхармы, двое следующих — воинские боги Ваю и Индра (два оттенка воинской функции), двое младших, от другой матери — близнецы Ашвины (третья функция) [Dumézil 1968: 31–257];

6) истолкование упавших с неба золотых предметов (Геродот пересказывает скифскую традицию) как соотносящихся с тремя функциями: плуг и ярмо — земледелие, секира — война, чаша — жречество (не позже, чем в [Dumézil 1930: 163], т. е. за несколько лет до рождения основной концепции);

7) сопоставление германского Хеймдалля, индийского Дьяуса, римского Януса [Dumézil 1973: 126–140].

Практически все сопоставления, как базовые, так и частные, делаются «вопреки» этимологии, а также безотносительно к той или иной природной приуроченности божеств. В этом принципиальные отличия от сравнительной индоевропейской мифологии XIX в., будь то в версии Я. Гримма, М. Мюллера, А. Куна, А. Н. Афанасьева или кого-либо другого. Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров не раз ссылались на частные на-

блюдения Ж. Дюмезиля, однако в целом авторы концепции «основного мифа» уклонились от признания или отвержения схем Дюмезиля. Впрочем, ниже будет рассмотрен один случай, когда В. Н. Топоров переходит от принятия частных наблюдений Ж. Дюмезиля к оперированию инструментарием трифункциональной концепции.

Три сестры и три чуда

В этом разделе анализируются следующие мотивы и мотивные связи.

(а) Три девицы в беседе (как предполагается, частной) высказывают — в грамматически ясной, но модально двусмысленной форме — то, как каждая из них могла бы использовать свой статус, будучи царицей. Во всех трех случаях это предполагает некие дары. Две первые намерены одарить весь мир, приготовив пир или наткав полотна, третья — одарить царя, родив ему богатыря. Неясно, допускают ли они, что в этот момент могут быть кем-то услышаны, что фактически делают заявки на некоем аукционе судьбы (предположим для простоты, что не допускают³). Подслушивающий царь выбирает третью. Две первые, назначенные поварихой и ткачихой, от зависти становятся противницами и вредительницами царицы и ее сына. Впоследствии, восполняя исходную троичность, к ним присоединяется не вполне ясная баба Бабариха — возможно, общая мать всех трех девиц (а может быть, не так или не совсем так)⁴.

(б) На одном из следующих этапов фабулы царский сын, чудом избежавший опасности, княжит в новосозданном городе на еще совсем недавно пустынном острове; с помощью купцов-корабельщиков он передает поклоны царю, своему отцу, не знающему о судьбе сына. Удивленный вестями о чудесном городе, царь раз за разом стремится туда, но три вредительницы трижды отвлекают его внимание более удивительными чудесами⁵: повариха сообщает о чудесной белке, грызущей золотые орешки с изумрудными ядрышками, ткачиха — о тридцати трех морских витязях,

³ Если такой вопрос бессмыслен для героинь настоящей народной сказки, то едва ли это полностью так для сказки литературной. Исследователи прозы Пушкина многократно отмечали роль разного рода «случайных» предвестий и примет, роль которых могут играть сбывающиеся паремии, сны, картинки на стене, некстати даваемый зарок и др. Воздействие этих литературных общих мест на переизлагаемую сказку нельзя исключить.

⁴ Как известно, само ее имя — из текста про дурня в сборнике Кирши Данилова, где оно относится почти наверняка к жене героя (известно, что его наставляют мать, сестра и жена, при этом из других мест следует, что мать — Лукерья, а сестра — Чернава, таким образом, номинацию *баба бабариха* остается отнести к жене). В других вариантах сказок подобного типа у девиц есть общая мать или мать двух из них и мачеха третьей. Для текста «Сказки о царе Салтане» все это очень гадательно и может рассматриваться только как «мерцающая» (частое слово у авторов так называемого Московского семиотического круга) возможность.

⁵ Если опять-таки учитывать, что перед нами литературная сказка с возможностью (только возможностью!) нарративно-психологических мотиваций, то можно спросить: откуда они знают (если знают), что чудесный новый город связан с судьбой спасшегося царского сына, причем, судя по их настойчивости, может создаться впечатление, что они это знают или подозревают.

а Бабариха — о несказанной красоте царевне. Царский сын полон досады от того, что эти рассказы оттягивают его встречу с отцом, но использует их в своих целях: повторив рассказы, сопровождаемые просьбами об обладании, своей чудесной приятельнице Лебеди, он становится обладателем и белки, приносящей богатство всему городу, и охраняющих остров морских богатырей, и жены-красавицы, которой оказывается сама царевна Лебедь.

(в) Подробность почти вспомогательная: для того чтобы незримо присутствовать при разговорах отца с корабельщиками, юный князь с помощью Лебеди трижды оборачивается насекомыми: комаром, мухой и шмелем.

Итак, вычленяются по крайней мере три («две с половиной») триады:

(а) повариха (пир) — ткачиха (полотно) — царица (царский сын);

(б) обогащающая белка — охраняющие витязи — жена-царевна;

(в) комар — муха — шмель.

Первую триаду, взятую саму по себе, кажется, практически невозможно интерпретировать в духе трифункционального анализа Дюмезиля. Все три «заявки» девиц представляются относящимися к полю третьей функции: «материальное производство, богатство, деторождение». В таких случаях сам Дюмезиль нередко обращался к разного рода побочным и вспомогательным эпизодам фабулы, вещным подробностям, внятным символам и параллелям, помогающим прояснить функциональную структуру. В данном случае такая роль явно должна принадлежать второй триаде.

В ней несложно увидеть проявление трех вполне наглядно различимых функций, вводимых в обратной последовательности, в порядке восхождения. Белка с ее золотом и изумрудами — несомненный источник богатства и процветания (третья функция). Воинская функция морских богатырей несомненна. Наконец, красавица царевна относится к первой функции, но с важным уточнением: не к жреческой, а к царственной, имеющей отношение к царской власти и царскому положению. По Дюмезилю, исходная царская власть осуществлялась в рамках первой функции, переход ее к военной знати, к кшатриям, и от богов типа Юпитера и Одина к богам типа Индры — более позднее явление. Третье чудо — сама царевна и будущая жена царского сына (Гвидона).

Здесь имеет смысл обратиться к побочной теме. В рассматриваемой сказке читающееся по крайней мере в одном месте ясное различие трех функций осложнено и отчасти запутано контаминацией с другим случаем, однако сам этот другой случай, как уже предполагал Дюмезиль, имеет прямое отношение к индоевропейской идеологии трех функций [Dumézil 1953] (ср. [Nagy 2020]). Речь идет об известном эпизоде суда Париса. Как известно, из Геры, Афины и Афродиты Парис выбирает Афродиту — по функциональному комментарию Дюмезиля [Dumézil 1953: 27–28], отказываясь от функций власти (Гера) и воинской силы (Афина) в пользу чувственного наслаждения. В этом случае порядок перечисления функций сохраняется, а ценностная иерархия инвертируется, и именно последнее оказывается наиболее важным и желанным. Заметим, что вторая функция сохранила композиционное и ценностное место, а первая и третья образуют своего рода хиазм между синтагматикой и аксиологией. Иначе говоря, в

тех перечнях, в которых самое ценное и желанное называется последним, при традиционном отношении к статусу трех функций перечисление ведется в обратном порядке, чтобы закончить первой функцией, — так и выходит при перечислении трех чудес, но если данная фабула подразумевает высшую оценку и желанность чего-либо, относящегося к третьей функции, то в этом случае вместо «обратного» порядка называния трех функций сохраняется «прямой» порядок (типа «Гера — Афина — Афродита»).

В «Сказке о царе Салтане» нет предпочтения третьей функции. Но поскольку в обеих главных триадах третьим — высшим и лучшим — оказывается женская красота, любовь и брак, чадородие, возможно предположить влияние инвертированного сюжета про суд Париса. При этом для самого классициста Пушкина вполне можно допустить осознанное вторжение греческого сказания в сюжет сказки, а для сказочного прототекста, не знающего, конечно, ни Троянской войны, ни ее причин, — наложение близких структур из репертуара операционной и интерпретирующей моделей мира. Князь Гвидон получает три дара в порядке восхождения от третьей функции к первой. Выбор царя Салтана кажется не мотивированным конкуренцией функций; более того, он отдаленно похож на тот, который делает Парис в инвертированной фабуле. Но изоморфизм триад (а) и (б) позволяет предполагать, что и Салтан, хотя в его случае это и не так очевидно, делает выбор в пользу первой функции: царь — в пользу царской участи.

Наиболее ясно изоморфизм триад (а) и (б) проявляется в участии поварахи и ткачихи. О белке, источнике богатства, рассказывает повараха (кажется, она просто отвлекает — или думает, что только отвлекает, — царя, но тем самым она невольно или вольно «рекламирует» белку и фактически вручает ее Гвидону); о морских богатырях, носителях воинской силы — ткачиха (к ней в равной мере относится то, что сказано о поварахе). Таким образом, можно допустить, что для поварахи и ткачихи с самого начала предполагается связь с третьей и второй функциями, на раннем этапе фабулы непроявленная. Будущей царице остается первая. Следовательно, и в этом случае обратный порядок перечисления подразумевает приближение к высшему, наиболее желанному и ценному. Объявить третье чудо остается бабе Бабарихе: в этом эпизоде она, вопреки своей сказочной роли вредительницы, оказывается субститутотом отсутствующей царицы.

Кроме того, возникает изоморфность царицы в триаде (а) и царевны Лебеди в триаде (б).

Дополнительный, несколько сглаженный, но все-таки читаемый штрих — товары, которыми гости-корабельщики, по их словам, торговали в тех трех случаях, когда, сопровождая их, узнавал об очередном чуде Гвидон: «соболями, / Чернобурыми лисами» в первом случае (объявлена белка), «конями, все донскими жеребцами» во втором (объявлены богатыри), «булатом, чистым серебром и златом» в третий раз (объявлена царевна). Конечно, третий товар особенно размыт: тут и воинский булат, и имеющее прямое отношение к богатству злато (ср. известное стихотворение Пушкина), да и кони, если вспомнить о представляющих третью функцию Ашвинах, двусмысленны, и все же стертый очерк трифункцио-

нальности различим: явное богатство мехов, «мягкой рухляди» — воинские кони — золото и атрибуты царского могущества. Впрочем, эти соответствия сами по себе не могут считаться однозначными доказательствами.

Тридцать три

В мифопоэтическом отношении тридцать три — усугубленная троичность. Поэтому привлекает интерес тот пункт, где сошлись темы троичности и водного/подводного, а также встретились (что бывало нечасто) аналитические подходы Ж. Дюмезиля и В. Н. Топорова. Внимание обоих привлекает индоиранский *Trita*.

У Ж. Дюмезиля этот аспект анализа появляется в связи с модификациями имени воинского бога Индры — победителя Вритры — *Vṛtrahán* (среднеиран. *Vərəθragna*, арм. *Vahagn*). Индра исчезает, чтобы скрыться на некоторое время в стебле лотоса посреди океана, а *Vahagn* появляется из стебля тростника посреди моря [Dumézil 1971: 218–219]. После смерти Фаридуна (Большой Бундахишн, авест. *Θraētaona*) его хварно пребывает в морском тростнике; он — второй представитель, если не основатель, династии Кави (Каянидов), — вопрос о ее мифологических и исторических источниках в первую очередь интересует Дюмезиля [Ibid.: 220 ff].

В. Н. Топоров рассматривает пересекающийся материал в цикле работ, связанных с идеей троичности и ее мифо-ритуальных связей ([Топоров 1977; 2006]; и др.). На основании разнородных источников он реконструирует связь между *Trita* — «Третьим» (ср. упоминания о трех братьях *Ekita*, *Dvita* и *Trita* — Первым, Вторым и Третьим) и другими *Trita* индийской традиции; связь между мудрецом Тритой, пребывающем в колодеце (Ригведа I.105), и Тритой Аптьей («Водяным»), который «упоминается в Ригведе 40 раз в 29 гимнах» [Топоров 2006: 481]; эквивалентность между индийским *Trita* и иранским *Θrita* / *Trita*; связь между иранским *Θrita* и *Θraētaona*, Трайтеоной, — третьим изготовителем хаомы. Последний в среднеперсидской традиции известен как *Frēdōn*, а в более поздней — как Фаридун; зафиксирован сюжет о двух его сыновьях, предавших и едва не погубивших третьего: этот сюжет по аналогии реконструируется Топоровым для индийского и иранского Триты и для Трайтеоны. С хварно связаны Йима, или Джамшид (первый человек, изготовивший хаому), Трайтеона и Кересаспа — их трое; змеборцы — Митра, Трайтеона и Кересаспа (их тоже трое). Сыновья Фретона — Фаридуна, как и братья — герои русской сказки про Ивана-дурака, — осмысляются Топоровым как носители трех функций; младший, преданный и чуть не погубленный братьями разгадчик трудных загадок воплощает первую функцию — функцию тайного знания.

Прежде всего здесь обращает на себя внимание параллель сюжетов о предающих братьях и «Сказки о царе Салтане» (особенно если придерживаться реконструкции, согласно которой преданный брат брошен в колодец).

С другой стороны, намечается комплекс «троичность — вода — локус посреди океана». Несмотря на отсылки к первой (приготовление священного напитка) и третьей (наступающее благоденствие) функциям, воинский мотив змеборчества (Индра) выводит здесь вперед именно вторую функцию.

Таким образом, тридцать три брата-воина, будучи усиленным воплощением мотива троичности, косвенно подкрепляют трифункциональную схему, в рамках которой мотив острова посреди океана (зафиксирована связь этого образа с воинским богом Индрой) приобретает дополнительную отсылку ко второй функции, а сюжет о героине, преданной сестрами и в результате их интриг брошенной в море, обнаруживает параллели с частными индоевропейскими традициями, максимально сгущающими семантику и мотивику троичности.

Насекомые и птицы, а также деревья и детеныши

Комар и муха — характерная для русского фольклора связка двух мельчайших существ⁶. Если они открывают список, то далее может следовать кто-то крупнее⁷ (в том числе мышь и лягушка, ср.: «Не мышонка, не лягушку»). Шмель для такого ряда совершенно не характерен, его можно считать окказиональным добавлением к стандартной первой паре. Но в целом эту триаду можно рассмотреть и под иным углом зрения.

Второе из насекомых, в которых обращается Гвидон, — муха. Чудо, о котором он узнает в этот раз, — тридцать три богатыря, — называет ткачиха. У ткачихи (ткача, ткачества) и у мухи есть общая устойчивая мотивная связь — с пауком, ткачом и охотником на мух. Есть такая связь и у Афины, которая в сюжете суда Париса является второй фигурой и представительницей второй функции: именно Афина превратила соперничавшую с ней в искусстве ткачества Арахну в паука. Таким образом, у ткачихи, объявляющей второе чудо, второго насекомого — мухи — и второй божественной соперницы — Афины — есть общая устойчивая ассоциация: паук.

Некоторое наложение отдельных проявлений первой и третьей функций, характерное для этой сказки, возможно, продолжается и в том, что насекомое Геры, овод (насылая овода или даже сама в него обращаясь, она преследует Ио, ставшую телкой), отражается в первом и третьем насекомых, комаре и шмеле, которые на пересечении могут намекать на овода (комар, как и овод, — жалящее и преследующее насекомое; шмель соответствует оводу по размеру и в целом по окраске).

Такое же смешение первой и третьей функций можно обнаружить и в рамках орнитологического кода. Принимая антропоморфный облик

⁶ А. В. Гура перечисляет случаи их совместного, парного появления в традиции: хорватский рассказ об общем происхождении мухи и комара от искр, которые появляются в результате удара сгорающей змеи хвостом по угольям [Гура 1997: 436–437], белорусский и брянский сказочный мотив, согласно которому муха и комар относят душу умершего на тот свет [Там же: 441], шуточные песни о женитьбе комара на мухе в разных славянских традициях [Там же: 447], муха и комар — наиболее частые в традиции представители класса летающих кусающих насекомых [Там же: 448].

⁷ Как кажется, для порядка появления насекомых у Пушкина важно то, что муха если не безоговорочно крупнее комара, то явно массивнее, ряд «комар — муха — шмель» образует градацию по величине. Такая же градация по величине (только не каждого отдельного элемента ряда, а для их «блоков») обнаруживается в сказке «Теремок»: комар и муха — мышка и лягушка — ...

красавицы царевны, Лебедь, как и было предсказано, обретает походку, ассоциирующуюся с совершенно другой птицей: «А сама-то величава, / Выступает будто пава». Плавная⁸, несколько замедленная, отяжеленная походка — признак русской красавицы. Однако лебедь — привычный атрибут Афродиты (Венеры), а павлин — Геры (Юноны)⁹. Это снова подтверждает амбивалентность царевны: как третье, высшее чудо, она воплощает первую функцию, а в сюжете суда Париса соответствует Афродите и ее дару (прекрасной женщине и любви).

Мышонок (мышь) и лягушка, упоминаемые в лживом письме царю, — не только тесно связанные по крайней мере в некоторых традициях¹⁰ существа, но и предвестия двух первых чудес: грызущей белки и земноводных богатых.

Три (или опять-таки «два с половиной») дерева, упоминаемых в сказке (дуб, ель, орех / орешник — дерево орешник только через свои плоды, орехи; ср. [Агапкина 2019: 41–75, 130–151]) не связаны почленно ни с тремя сестрами, ни с тремя чудесами. Но к ним нужно прибавить еще одно растение: «полотно» ткачихи скорее всего указывает на лен¹¹ с его богатым мифопоэтическим досье, прежде всего связанным с водой [Топоров 1990] (как и чудо ткачихи — морские богатые). Священный и царственный дуб, древо тех громовержцев (Зевса, Юпитера), которые ассоциируются с первой, царственной функцией, с помощью которого Гвидон спасает суженую; лен, вымачиваемый в воде (центральная технологическая процедура), которая в рассматриваемой сказке благодаря морским богатырям соотносится с воинской функцией; съедобные орехи, аналог зерен-семян, служащих для пропитания (сердцевина третьей функции), — едва различимая дополнительная сигнатура трифункционального подхода.

⁸ Только до 1837 г. НКРЯ знает контексты с упоминанием плавной женской или девичьей походки и сравнением с павой у Федора Глинки, Николая Полевого, Гоголя, Корниловича, Лажечникова, Загоскина и Бестужева-Марлинского; дальнейшие примеры из Гончарова, Писемского, Григоровича, Мельникова-Печерского и др. Часть из них иронична, но ирония обычно относится к беспочвенным претензиям героинь, а не к самому идеалу.

⁹ Это зафиксировано в басенной традиции (Эзоп, Федр, Лафонтен...), в «Метаморфозах» Овидия, в трагедии Пьера Корнеля «Золотое руно», в «Иконологии» Чезаре Рипы и ее переизложениях и др. Гонгора по-барочному изысканно и причудливо «путает» эти атрибуты: «*равón de Venus es, cisne de Juno*» [Gongora 1659: 464], в хвале Галатее суть именно в нарушении привычного: «Павлин Венеры, лебедь же Юноны»).

¹⁰ Славянские, греческие, иранские источники: русская сказка «Теремок», эзоповская басня «Мышь и лягушка», «Батрахомиомехия», приводимый у Геродота и Фекириды рассказ и скифском царе Иданфирсе, пославшем Дарию среди прочих даров-угроз мышь и лягушку, и др.

¹¹ Полотно может быть не только льняным, но и конопляным («пеньковым»). Использование пеньки для изготовления веревок и канатов приводило к тому, что на полотно чаще шел лен. Льняное полотно мягче, наткать его «на целый мир» проще. Впрочем, эти аргументы не имеют решающего значения.

Рефлексы вариантов: тридцать три царевича и счет орехов

В рассматриваемой сказке могут быть отмечены рефлексы других версий сюжета, мотивированные не внутренним строением сказки, ее действием и образностью, но совокупностью вариантов в устной традиции (и, соответственно, эрудированностью и образованностью автора, к этой традиции обращающегося).

Во-первых, таким элементом может быть число морских богатырей: тридцать три, а также упоминание царевной того, что они — ее родные братья. Пушкин, как известно, записал в Михайловском сказку, считающуюся одним из источников «Сказки о царе Салтане», и эта запись, в частности, содержит первоначальный вид указанного мотива:

После девяти месяцев царица благополучно разрешилась 33 мальчиками, а 34-й уродился чудом — ножки по колено серебряные, ручки по локотки золотые, во лбу звезда, в заволке месяц <...> повеление, чтоб заготовить две бочки; одну для 33 царевичей, а другую для царицы с чудесным сыном — и бросить их в море <...>

Тужит царица об остальных своих детях. Царевич с ее благословения берется их отыскать. «Нацеди ты, матушка, своего молока, ты замеси 30 лепешечек». — Он идет к морю, море всколыхалось, и вышли 30 юношей и с ними старик. — И царевич спрятался и оставил одну лепешечку. Один из них и съел ее. «Ах, братцы, — говорит он, — до сих пор не знали мы материнского молока, а теперь узнали». — Старик погнал их в море. На другой день вышли они опять, и все съели по лепешке, и poznали брата своего. На третий вышли без старика, и царевич привел всех братьев своих к своей матери [Пушкин 1977: 407–408].

В этом варианте тридцать три — братья царевича, а не его невесты, роль старика неясна, цель — воссоединение семьи, а не обретение морского отряда, и находит братьев сам царевич, а не волшебная помощница. Все это исчезает в итоговом тексте, делая, казалось бы, излишним и весь мотив целиком, но он сохраняется, занимая принципиально иное место в композиции и мотивировке. Основанием для размещения его в новом контексте служит, как кажется, водная природа одного из чудес в сказках наподобие «Поющее дерево, живая вода и птица-говорунья». Тридцать три богатыря занимают место водного чуда и не только удерживают, но и нагляднее выявляют связь трех чудес с тремя ярусами мироздания.

Во-вторых, сюда же может быть причислен мотив орехов, играющий важную роль по крайней мере в одном из вариантов сказки «По колено ноги в золоте, по локоть руки в серебре» [Афанасьев 1861, № 68е], или «Косоручка» [Афанасьев 1873, № 158b; 1984–1985, № 280].

Брат говорит: «Кто бы нас потешил — из короба в короб орехи пересыпал?» Мальчик просится: «Пусти меня, матушка! Я их потешу»: а она не пускает. Брат услышал, что она не позволяет, и говорит: «Поди, поди, сиротиночка! Пересыпь орешки». Мальчик взял орехи и стал сказывать: «Два ореха в короб, два из короба... Жил-был

брат с сестрой; у брата была злая жена, сгубила сестру наговорами. Два ореха в короб, два из короба... Отвез брат сестру в дремучий лес; натерпелась она и голоду и холоду, обносила вся. Два ореха в короб, два из короба... Приехал с охотой в дремучий лес королевский сын; увидал мою матушку, влюбился в нее. Два ореха в короб, два из короба... Взял ее за себя, родила она меня — по локоть руки в золоте, по колена ноги в серебре, во лбу месяц, супротив ретива сердца красное солнышко. Два ореха в короб, два из короба...» И так-то, пересыпая орехи из короба в короб, рассказал все, что с ними было, а после и говорит: «Здравствуйте, родимый батюшка и богоданный дядюшка!» [Афанасьев 1984–1985 (2): 293].

В этом случае происходит полный перенос мотива, совпадение, помимо общего сюжета сказки, только в орехах, да разве еще в том, что белочка, грызя их, распевает песню.

Возможно, к таким рефлексам параллельных вариантов можно прибавить и сказку-новеллу Страпаролы, в которой говорящая птичка охарактеризована как «bel uerde [= verde]» [Straparola 1560: 115], а уже после рассказывания сказки, в рамке, приводится стихотворная загадка о попугае со строкой «La spoglia ha di finissimo smiraldo» («Тело — чистейший изумруд») [Ibid.: 117].

В заключение

Концепция модели мира в работах московского семиотического круга подразумевает, в частности, выделение двух механизмов, посредством которых модель мира работает: набор важнейших бинарных семантических оппозиций и систему кодов с установлением эквивалентностей между их элементами¹². Если метод бинарных семантических оппозиций, имеющий истоки в фонологии и антропологии (тотемические классификации и осевая симметрия человеческого тела), утвердился в основном в работах К. Леви-Стросса, то аналитические процедуры, связанные с выявлением в материале сильного либо ослабленного присутствия *n*-членных кодов, разрабатывался в том числе в работах Ж. Дюмезиля по индоевропейским триадам. Этот подход, несмотря на многократные полемики, отвержение, пренебрежение и равнодушие, не должен считаться исчерпанным либо преодоленным¹³.

¹² «...одно и то же содержание может быть передано средствами растительного, животного, минерального, астрономического, кулинарного, абстрактного и т. п. кодов (...) Среди многочисленных классификаций мифопоэтической эпохи существует определённая связь. Она может указывать на аспект тождественности соответствующих элементов в данных классификациях, и тогда создаются концептуальные матрицы, с помощью которых описывается мир» [Топоров 1982: 162–163].

¹³ Рецензент этой статьи совершенно прав, напоминая, что для дальнейшей разработки темы основным остается вопрос: «Каким образом мог Пушкин уловить эти триадические структуры, если не через знакомство с традицией, устной, лубочной, отчасти, возможно, и книжной?» Автор надеется вернуться к этой проблеме.

Источники

- Афанасьев 1861 — *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки: [В 8 вып.]. Вып. 6. М.: В тип. Грачева и Кони, 1861.
- Афанасьев 1873 — *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. Кн. 3. 2-е изд., вновь пересмотр. М.: изд. К. Солдатенкова, 1873.
- Афанасьев 1984–1985 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М.: Наука, 1984–1985.
- Пушкин 1977 — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 3: Стихотворения. 1827–1836. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1977.
- Шергин 1989 — *Шергин Б.* Древние памяти: поморские были и сказания. М.: Худ. лит., 1989.
- Gongora 1659 — *Gongora L. de.* Obras. Brusselas: Francisco Foppens, 1659.
- Strapotola 1560 — [*Strapotola da Caravaggio G. F.*] Le Piacevoli Notti: Nelle Quali Si Contengono le Favole con I Loro Enimmi da Dieci Donne e Duo Giovani Raccontate, Cosa Dilettevole. Venezia: Per Francesco Lorenzini da Turino, 1560.

Указатели

- СУС — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1979.
- Uther 2011 — *Uther H.-J.* The types of international folktales: A classification and bibliography. Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson. Part 1. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2011.

Литература

- Агапкина 2019 — *Агапкина Т. А.* Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М.: Индрик, 2019.
- Азадовский 1936 — *Азадовский М. К.* Источники сказок Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 1 / Ред. Ю. Г. Оксман. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. С. 134–163.
- Березкин 2019 — *Березкин Ю.* «Сказка о царе Салтане» (сюжет АТУ 707) и евразийско-американские параллели // Антропологический форум. № 43. 2019. С. 89–110. <http://doi.org/10.31250/1815-8870-2019-15-43-89-110>.
- Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997.
- Муравьева, Федотова 2024 — *Муравьева О. С., Федотова С. Б.* Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди // Пушкинская энциклопедия: Произведения: [В 5 вып.]. Вып. 5 / [Ред. кол.: М. Н. Виролайнен и др.]. СПб.: Нестор-История. С. 61–71.
- Плетнева 2016 — *Плетнева А. А.* Лубочные источники пушкинской «Сказки о царе Салтане» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. № 3. С. 470–483.
- Плетнева 2019 — *Плетнева А. А.* Пушкин, Гоголь и Бова: аллюзии к лубочной литературе в произведениях русской классики // Русская речь. 2019. № 1. С. 74–87. <http://doi.org/10.31857/S013161170003976-2>.
- Райхл 2008 — *Райхл К.* Тюркский эпос. Традиции, формы, поэтическая структура / Пер. с англ. В. Трейстер. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2008.

- Топоров 1977 — *Топоров В. Н.* Об отражении одного индоевропейского мифа в древнеармянской традиции // Историко-филологический журнал. 1977. № 3. С. 86–106.
- Топоров 1982 — *Топоров В. Н.* Модель мира // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия. С. 161–164.
- Топоров 1990 — *Топоров В. Н.* О «льняном» мифе в ареальной перспективе // *Croatica — Slavica — Indoeuropaea: Festschrift zum 60. Geburtstag von Radoslav Katičić* / Hrsg. von G. Holzer. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 1990. S. 245–261.
- Топоров 2006 — *Топоров В. Н.* Авест. *Θrita, Θzaetaona*, др.-инд. *Trita* и др. и их индоевропейские истоки // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 2. Кн. 2. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 479–504. (1-е изд. 1977).
- Хэмлет 2013а — *Хэмлет Т. Ю.* Описание сказочного сюжета 707 *Чудесные дети* в международных, национальных и региональных указателях сказочных сюжетов: сравнительный анализ // Научный диалог. 2013. № 5 (17). С. 198–219.
- Хэмлет 2013б — *Хэмлет Т. Ю.* Описание сказочного сюжета 707 *Чудесные дети* в международных, национальных и региональных указателях сказочных сюжетов: сравнительный анализ: часть 2 // Научный диалог. 2013. № 10 (22). С. 61–75.
- Хэмлет 2014 — *Хэмлет Т. Ю.* Описание сказочного сюжета 707 *Чудесные дети* в международных, национальных и региональных указателях сказочных сюжетов: сравнительный анализ: часть 3 // Научный диалог. 2014. № 4 (28). С. 100–114.
- Dumézil 1930 — *Dumézil G.* Légendes sur les Nartes, suivies de cinq notes mythologiques. Paris: Champion, 1930.
- Dumézil 1939 — *Dumézil G.* Mythes et dieux des Germains: Essai d'interprétation comparative. Paris: Presses universitaires de France, 1939.
- Dumézil 1940 — *Dumézil G.* Mitra-Varuna: Essai sur deux représentations indo-européennes de la Souveraineté. Paris: Presses universitaires de France, 1940.
- Dumézil 1947 — *Dumézil G.* Tarpeia: Cinq essais de philologie comparative indo-européenne. Paris: Gallimard, 1947.
- Dumézil 1948a — *Dumézil G.* Jupiter Mars Quirinus. Vol. 4: Explication de textes indiens et latins, Paris: Gallimard, 1948.
- Dumézil 1948b — *Dumézil G.* Mitra-Varuna: Essai sur deux représentations indo-européennes de la Souveraineté. 2e ed. Paris: Gallimard, 1948.
- Dumézil 1953 — *Dumézil G.* Les trois fonctions dans quelques traditions grecques // *Eventail de l'histoire vivante: Hommage à Lucien Febvre par l'amitié d'historiens, linguistes, géographes, économistes, sociologues, ethnologues*. Vol. 2 / [Sous la dir. de F. Braudel]. Paris: Librairie Armand Colin, 1953. P. 25–32.
- Dumézil 1968 — *Dumézil G.* Mythe et épopée. [T.] 1: L'ideologie des trois fonctions dans les épopées des peuples indo-européens. Paris: Gallimard, 1968.
- Dumézil 1971 — *Dumézil G.* Mythe et épopée. [T.] 2: Types épiques indo-européens: Un héros, un sorcier, un roi. Paris: Gallimard, 1971.
- Dumézil 1973 — *Dumézil G.* Gods of the Ancient Northmen. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 1973¹⁴.
- Nagy 2020 — *gnagy* [Nagy G.] Comments on comparative mythology 5, an afterthought of Georges Dumézil about trifunctionality and the Judgment of Paris // *Classical Inquiries: Studies on the Ancient World from the Center for Hellenic Studies*. 2020. March 13.

¹⁴ Деятельность Калифорнийского университета признана нежелательной на территории РФ.

URL: <https://classical-inquiries.chs.harvard.edu/comments-on-comparative-mythology-5-an-afterthought-of-georges-dumezil-about-trifunctionality-in-the-judgment-of-paris>.

Zielina 2013 — Zielina Ja. Mitlogem jednooki—jednoreki w ujęciu Georges’a Dumézila // Studia Religiológica. Vol. 46. No. 4. 2013. S. 307–315. <http://doi.org/10.4467/20844077SR.13.023.2096>.

References

- Agapkina, T. A. (2019). *Derev'ia v slavianskoi narodnoi traditsii: Ocherki* [Trees in the Slavic folk tradition: Essays]. Indrik. (In Russian).
- Azadovskii, M. K. (1936). Istochniki skazok Pushkina [Sources of Pushkin's fairy tales]. In Iu. G. Oksman (Ed.). *Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii* (Vol. 1, pp. 134–163). Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Berezkin, Yu. (2019). “The Tale of Tsar Saltan” (Tale Type ATU 707) and Eurasian-American parallels. *Forum for Anthropology and Culture*, 43, 89–110. <http://doi.org/10.31250/1815-8870-2019-15-43-89-110>. (In Russian).
- Dumézil, G. (1930). *Légendes sur les Nartes, suivies de cinq notes mythologiques*. Champion.
- Dumézil, G. (1939). *Mythes et dieux des Germains: Essai d'interprétation comparative*. Presses universitaires de France.
- Dumézil, G. (1940). *Mitra-Varuna: Essai sur deux représentations indo-européennes de la Souveraineté*. Presses universitaires de France.
- Dumézil, G. (1947). *Tarpeia: Cinq essais de philologie comparative indo-européenne*. Gallimard.
- Dumézil, G. (1948a). *Jupiter Mars Quirinus, Vol. 4: Explication de textes indiens et latins*. Gallimard.
- Dumézil, G. (1948b). *Mitra-Varuna; Essai sur deux représentations indo-européennes de la Souveraineté* (2nd ed.). Gallimard.
- Dumézil, G. (1953). Les trois fonctions dans quelques traditions grecques. In F. Braudel (Ed.). *Eventail de l'histoire vivante: Hommage à Lucien Febvre par l'amitié d'historiens, linguistes, géographes, économistes, sociologues, ethnologues* (Vol. 2, pp. 25–32). Librairie Armand Colin.
- Dumézil, G. (1968). *Mythe et épopée, Vol. 1: L'idéologie des trois fonctions dans les épopées des peuples indo-européens*. Gallimard.
- Dumézil, G. (1971). *Mythe et épopée, Vol. 2: Types épiques indo-européens: Un héros, un sorcier, un roi*. Gallimard.
- Dumézil, G. (1973). *Gods of the Ancient Northmen*. Univ. of California Press¹⁵.
- gnagy [= Nagy, G.] (2020, March 13). Comments on comparative mythology 5, an afterthought of Georges Dumézil about trifunctionality and the Judgment of Paris. *Classical Inquiries: Studies on the Ancient World from the Center for Hellenic Studies*. <https://classical-inquiries.chs.harvard.edu/comments-on-comparative-mythology-5-an-afterthought-of-georges-dumezil-about-trifunctionality-in-the-judgment-of-paris>.
- Gura, A. V. (1997). *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [Animal symbolism in the Slavic folk tradition]. Indrik. (In Russian).
- Khemlet, T. Iu. (2013a). Opisanie skazochного siuzheta 707 *Chudesnye deti* v mezhdunarodnykh, natsional'nykh i regional'nykh ukazateliakh skazochnykh siuzhetov: sravnitel'nyi analiz [Description of tale type 707 *Miraculous Children* in international, national and

¹⁵ Деятельность Калифорнийского университета признана нежелательной на территории РФ.

- regional catalogues of tale types: Comparative analysis]. *Nauchnyi dialog*, 2013(5, no. 17), 198–219. (In Russian).
- Khemlet, T. Iu. (2013b). Opisanie skazochnogo siuzheta 707 *Chudesnye deti v mezhdunarodnykh, natsional'nykh i regional'nykh ukazateliakh skazochnykh siuzhetov: sravnitel'nyi analiz: chast' 2* [Description of tale type 707 *Miraculous Children* in international, national and regional catalogues of tale types: Comparative analysis, Part 2]. *Nauchnyi dialog*, 2013(10, no. 22), 61–75. (In Russian).
- Khemlet, T. Iu. (2014). Opisanie skazochnogo siuzheta 707 *Chudesnye deti v mezhdunarodnykh, natsional'nykh i regional'nykh ukazateliakh skazochnykh siuzhetov: sravnitel'nyi analiz: chast' 3* [Description of tale type 707 *Miraculous Children* in international, national and regional catalogues of tale types: Comparative analysis, Part 3]. *Nauchnyi dialog*, 2014(4, no. 28), 100–114. (In Russian).
- Murav'eva, O. S., & Fedotova, S. B. (2024). Skazka o tsare Saltane, o syne ego slavnom i moguchem bogatyre kniaze Gvidone Saltanoviche i o prekrasnoi tsarevne Lebedi [The Tale of Tsar Saltan, of His Son the Renowned and Mighty Bogatyr Prince Gvidon Saltanovich and of the Beautiful Swan-Princess]. In M. N. Virolainen et al. (Eds.). *Pushkinskaia entsiklopediia: Proizvedeniia* (Vol. 5, pp. 61–71). Nestor-Istoriia. (In Russian).
- Pletneva, A. A. (2016). Cheap popular sources of Pushkin's *Tale of Tsar Saltan*. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2016(3), 470–483. (In Russian).
- Pletneva, A. A. (2019). Pushkin, Gogol and Bova: Allusions to popular print literature in the works of Russian classics. *Russian Speech*, 2019(1), 74–87. <http://doi.org/10.31857/S013161170003976-2>. (In Russian).
- Reichl, K. (1992). *Turkic oral epic poetry: Traditions, forms, poetic structure*. Routledge.
- Toporov, V. N. (1977). Ob otrazhenii odnogo indoevropskogo mifa v drevnearmianskoi traditsii [On the reflection of an Indo-European myth in the ancient Armenian tradition]. *Istorko-filologicheskii zhurnal*, 1977(3), 86–106. (In Russian).
- Toporov, V. N. (1982). Model' mira [Model of the world]. In S. A. Tokarev (Ed.). *Mify narodov mira: Entsiklopediia* (Vol. 2, pp. 161–164). Sovetskaiia entsiklopediia. (In Russian).
- Toporov, V. N. (1990). O "l'nianom" mife v areal'noi perspective [On the "linen" myth in an areal perspective]. In G. Holzer (Ed.). *Croatica — Slavica — Indoeuropaea: Festschrift zum 60. Geburtstag von Radoslav Katičić* (pp. 245–261). Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. (In Russian).
- Toporov, V. N. (2006). Avest. *Θrita*, *Θgaetaona*, dr.-ind. *Trita* i dr. i ikh indoevropskie istoki [Avesta *Θrita*, *Θgaetaona*, old Ind. *Trita*, etc. and their Indo-European sources]. In V. N. Toporov. *Issledovaniia po etimologii i semantike* (Vol. 2, Pt. 2, pp. 479–504). Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).
- Zielina, Ja. (2013). Mitlogem jednooki—jednoreki w ujęciu Georges'a Dumézila. *Studia Religiosa*, 46(4), 307–315. <http://doi.org/10.4467/20844077SR.13.023.2096S>.

Информация об авторе

Information about the author

Федор Никитич Двинятин
кандидат филологических наук
доцент, кафедра русского
языка, Санкт-Петербургский
государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7–9
✉ f.dvinyatin@spbu.ru

Fedor Nikitich Dviniatin
Cand. Sci. (Philology)
Assistant Professor, Department
of Russian Language, Saint Petersburg
State University
Russia, 199034, Saint Petersburg,
Universitetskaya Emb., 7–9
✉ f.dvinyatin@spbu.ru